



Люди в очереди к гробу Ленина. Январь 1924

О КОММЕНТАРИИ

В изданиях Мандельштама комментариев к тексту «Холодного лета», как правило, краток и включает лишь несколько реалий и единичные параллели (слова и мотивы) в других мандельштамовских текстах. Наш комментарий сосредоточен в первую очередь на языке, а в нем — в первую очередь на отличиях от современного языка. Этой языковой стороной «Холодного лета» в определенной мере и по-своему до нас занимались издатели этого текста; его история позволяет различить три слоя:

- машинопись (далее: ХЛ-Машинопись)
- первая публикация (ХЛ-Огонек)
- позднейшие издания 1950–2010-х годов (библиографические данные см. после комментария: *Рукописные материалы и Издания текста*)

Главный предмет предлагаемого комментария составляет язык первой и единственной прижизненной публикации в журнале «Огонек». Важнейшим источником служит предшествовавшая этой публикации машинопись и авторская карандашная правка в ней; конкретные случаи правки обсуждаются по ходу комментария. Что касается позднейших изданий текста в собраниях сочинений, то все они — без исключения — в той или иной мере отражают редакторское вмешательство в текст первой публикации и текст машинописи. Так как языковые исправления издатели комментируют бегло и всегда оптом, мне придется коротко остановиться и сказать о группировке изданий с этой точки зрения (разумеется, имея в виду только «Холодное лето»). Отмечу, что источниковедческая база всех изданий, насколько можно судить по комментариям к ним, одинакова — все издатели так или иначе основываются на ХЛ-Огонек и ХЛ-Машинопись.

*

По глубине модернизирующего языкового редактирования в нынешних изданиях выделяются три вида текста «Холодного лета» (крещендо):

- осторожное редактирование — в издании, подготовленном Г. П. Струве и Б. А. Филипповым, и его перепечатках (ХЛ-Струве, Филиппов): бережно воспроизводится пунктуация, не затронута морфология, лексическое исправление одно (*за* → *из-за*);
- глубокое редактирование — в издании, которое (имею в виду соответствующий 2-й том) готовили С. С. Аверинцев и П. М. Нерлер (ХЛ-Аверинцев, Нерлер): дополнительно правились морфология (*меха* → *мехи*, *запевало* → *запевала*), лексика, синтаксис;
- очень глубокое редактирование — в последнем по времени и считающемся наиболее авторитетным полном собрании сочинений, подготовленном А. Г. Мецем (ХЛ-Мец): к правке предшествующего типа ХЛ-Аверинцев, Нерлер здесь

добавлены конъектуры, требующие основательной аргументации (в частности, *меня* вместо *менее*, которое на с. 621 объявляется опечаткой, хотя именно таково чтение и в ХЛ-Машинопись, и в ХЛ-Огонек, и замена меняет смысл на противоположный!), общая ссылка на ХЛ-Машинопись вводит читателя в заблуждение.

В целом в отношении языка автора издателями запускаются в действие два основных механизма: 1) модернизация в отношении орфографии, пунктуации (и — при редактировании, которое мы назвали глубоким, — морфологии, т. е. грамматических форм); 2) рациональная критика текста в отношении лексики и пунктуационно-синтаксического строя (конъектуры согласно представлениям издателя об осмысленности данного чтения).

Наименее проблематично исправление орфографии — она приводится в соответствие с определенной, актуальной для издателей нормой. Орфография 1920-х годов, как известно, допускала широкую вариативность. Целенаправленную унификацию орфографии начали проводить позднее, в 1930-е годы, и завершился этот процесс в 1956 году изданием «Правил орфографии и пунктуации» и орфографического словаря Ожегов/Шапиро 1956. Сводка орфографических замен дана в преамбуле к Комментарию.

Много исправлений пунктуации. В авторском тексте (ХЛ-Машинопись и ХЛ-Огонек) широко используется тире — знак, который позволяет рельефно интонировать лирический текст; в эту эпоху им любили пользоваться Цветаева, Горький, Пришвин и другие. Современные издатели, как правило, добавляют принятые ныне запяты (например, при обращении), не убирая тире. Позиция редакторов компромиссна: сохранить авторский интонационный контур текста, снабдив его современной пунктуацией. В результате текст бывает не только перегружен знаками препинания; в некоторых случаях добавление запятых требовало интерпретации смыслового членения фразы, и интерпретация эта не всегда убедительна; так, в одной фразе, которая (вероятно, по ошибке наборщика) оказалась вовсе без знаков препинания, они расставлены позднейшими издателями — на наш взгляд, не слишком удачно (детали см. в Комментарий).

Все случаи морфологической (*меха* → *мехи*, *запевало* → *запевала*), лексической (*за кучи барахла* <...> *глядит* → *из-за кучи барахла глядит*; *в сторону* → *сторонку*; *менее* → *меня* и др.) и лексико-синтаксической (*до чего неожиданностей* → *до чего много неожиданностей* и др.) правки издателей обсуждаются по ходу комментария.

*

Задачи нашего комментария в отношении языка Мандельштама принципиально иные, чем у издателей. Нам важно пронаблюдать ту языковую картину, которую мы имеем; важно не исправить, а понять. К реконструкции мы прибегаем только в тех единичных случаях, когда сама данность текста дефектна (например, отсутствует пунктуация). В любом случае реконструкция для нас не более чем рабочий инструмент.

Цель комментария двоякая —

- с одной стороны, уловить точки, в которых тогдашний язык нам не вполне понятен или может быть понят превратно; это точки изменений узуса и норм из перспективы современного читателя, отделенного почти столетием от времени создания текста;
- с другой стороны, мы стремимся соотнести употребление Мандельштама с тогдашним узусом; облегчить понимание авторского выбора, указав на актуальные для эпохи синонимические варианты; отметить, где возможно, стилистические коннотации; предостеречь от модернизации семантики.

Для этого нужно немного почувствовать себя «иностранцем». Такой угол зрения вполне естествен в отношении удаленных от нас на много столетий текстов средневековья — так, он принят в образцовом лингвистическом комментарии А. А. Зализняка к корпусу берестяных грамот (Зализняк 2004). С авторами же XIX и тем более XX века мы настолько привыкли чувствовать себя «на дружеской ноге», что тут лингвистическое «остранение» как инструмент понимания только начинает развиваться. Не случай-

но среди комментариев к текстам, например, Пушкина особое положение занимает комментарий В. Набокова к «Евгению Онегину», адресованный иностранному читателю и уже поэтому в большей степени сосредоточенный на языке (Набоков 1999). Значительное место языковая составляющая должна была занимать, по замыслу А. П. Чудакова, в его едва начатом «тотальном комментарии» к «Евгению Онегину» (Чудаков 2005), которому не суждено было осуществиться. Во всех остальных случаях (см., в частности: Винокур 1999; Лотман 1980; Бетеа 2007; Бетеа 2016) языковые элементы (как правило, лексика) если и становятся предметом интереса, то прежде всего как компонент мотива, аллюзии, подтекста; систематическое наблюдение над языковым узусом в задачи комментария не входит. Тем не менее, как показывают исследования последнего времени (Падучева 2001; Пеньковский 2005; Добродомов, Пильщиков 2008; Перцов 2009; Анна Зализняк 2018), материала для комментирования такого рода в текстах Пушкина немало. В отношении текстов XX века опыт изучения индивидуального языка «под лупой» может показаться избыточным (как казался он поначалу и мне), разве что речь идет об очевидно аномальном языке (как у Платонова) или о диалектном языке (случай Шолохова) или о ярком языке реалий (как у Ильфа и Петрова, см. Щеглов 2009). Предлагаемый комментарий — первый опыт такого рода.

*

В прозе «Холодное лето» мы, вообще говоря, не ожидаем столкнуться с собственно языковыми проблемами понимания — перед нами текст на литературном языке, рассчитанный на массовую читательскую аудиторию; это образец публичного высказывания Мандельштама — той речи, которую он в тот момент, в 1923 году, считал возможным говорить с «веком». И тем не менее почти нет фразы, в которой бы нам нечего было отметить: на 787 слов (38 предложений) текста приходится примерно 120 точек, в которых комментируются собственно языковые явления.

В первую очередь речь в комментарии идет о разного рода сдвигах (из перспективы современного русского языка) в употреблении слов и конструкций. Некоторые из этих сдвигов мало или вовсе незаметны взгляду без проверки узусом эпохи — нынешней и тогдашней. Попад в ловушку, мы склонны подставить «свое» значение. Механизм такой подмены Анна А. Зализняк удачно называет эффектом ближней семантической эволюции, определяя его как «неправильное понимание текста, возникающее из-за того, что читатель не распознает семантический сдвиг, произошедший в слове или конструкции родного языка, и понимает их в современном ему значении» (Анна Зализняк 2013: 300). Чем дальше от нас во времени текст, тем больше мы готовы проявить осторожность. При чтении же текста, созданного относительно недавно — неполное столетие назад, абберрации языка незаметнее, и возникает ложное ощущение понятности. На самом деле внимание скользит по тексту, и во множестве точек он остается, по сути, непрочитанным. Вот эти точки мы и старались выявить.

О явлениях орфографии, пунктуации и морфологии, затронутых языковой рефлексией издателей 1950–2010-х годов, уже шла речь выше. Вот перечень основных явлений в области лексики и лексической сочетаемости, которые обсуждаются в комментарии (примерно 70 точек):

- историзм (*аэроплан, машинистка, пролетка, соломенная кошелка*);
- фразеология (*игрище и гульбище, рыжий как пожар*);
- изменение частотности употребления (атрибутивное *милый, глядеть*);
- выбор из нескольких квазисинонимических возможностей (*покуда/пока, явь/реальность, следы старины/пережитки прошлого, аэроплан/самолет, скворешник/скворешня, касатка/ласточка* и др.);
- сдвиг значения (*голоножка, сирена, башмачки, потрясенный, лапчатый* и др.);
- сдвиг сочетаемости и стилистического тона (*толстые дорические колонны, холодок, против чего*);
- контекстный сдвиг значения (*скромных городских коней*);

- индивидуальное употребление (*мировая гостиница, белый куколь, каторжный двор, урочище* и др.).

В ряде случаев (около 15 точек) любопытен для наблюдения синтаксис:

- вариация предлогов *в/на* с названиями средств транспорта (*проехать в/на трамвае*);
- 1 л. ед. наст. вр. глагола без личного местоимения (*люблю, но не ищу*);
- определительное *что*-придаточное (... , *что на Арбате*);
- инверсия (*тот не любит, кто не знает*);
- аномальные конструкции (*грудь просвечивает, как рентгеном, малиновыми ребрами; Но не ищу <...> разве свадьба проедет*).

Словоупотребление Мандельштама и устройство его фразы некоторым индивидуальным образом консервативны. Что до языковой дистанции (между нами и «Холодным летом»), то заметнее всего она в лексической семантике. Таковы два общих итога, к которым подводят наблюдения над языком этого текста. Точен Бенедикт Лифшиц, написавший в 1919 году о языке Мандельштама: «Не новых слов ищет поэт, но новых сторон в слове» (В цитадели революционного слова // Пути творчества. Харьков. 1919. № 5. С. 45; цит. по: Летопись 2016: 147). Мандельштам вслушивается в «шум словаря» («и только через слуховую трубку различали в шуме словаря свой собственный малый словарь» — «Заметки о поэзии», 1923), в «шум языка» («русские поэты стали один за другим гложуть к шуму языка» — Там же), в «шум времени» (название прозы 1923 года).

Говорить о консерватизме и индивидуальных чертах можно, разумеется, только имея в виду тот языковой фон, на котором складывался и существовал мандельштамовский узус. Отделять явления языка от явлений текста, общее от индивидуального, старое от инноваций до известного предела помогают словари и — что в особенности ценно — корпуса текстов и электронные базы данных. Каждое языковое явление в комментарии мы старались, насколько позволял материал, выверить по трем основным источникам:

1) характеристика слова в толковых словарях; вот словари, на которые мы опираемся: Академический словарь церковнославянского и русского языка (СЦСРЯ 1847) и словарь В. Даля, документирующие предшествующий узус первой половины — середины XIX века; в отдельных случаях — словарь В. И. Даля в редакции И. А. Бодуэна де Куртенэ (Даль/Бодуэн де Куртенэ 1903–1909) с его дополнениями рубежа XIX–XX веков; словарь под редакцией Д. Н. Ушакова (Ушаков 1935–1940), фиксирующий «новый советский стандарт» (Живов 2005), но и узус двух послереволюционных десятилетий; и наконец, так называемый Малый академический словарь под редакцией А. П. Евгеньевой (МАС 1981), толковый словарь С. И. Ожегова в редакции Н. Ю. Шведовой (Шведова 2007) и Новый объяснительный словарь синонимов русского языка под ред. Ю. Д. Апресяна (НОССРЯ 2004) — как отражение современного узуса⁷;

2) употребление в других текстах Манделъштама; полный словоуказатель к произведениям Манделъштама, составленный Л. Г. Митюшиным, позволяет провести исчерпывающий поиск контекстов для той или иной словоформы, а для проверки сочетаемости бесценен материал Национального корпуса русского языка (далее: НКРЯ или корпус), прежде всего двух его подкорпусов — основного и поэтического; переводы, безусловно, включаются в рассмотрение;

3) употребление других авторов, прежде всего современников Манделъштама, но и узус предшествующего периода, и тут вновь помогает НКРЯ. Особо отмечаются языковые параллели в текстах Н. Я. Манделъштам (ее воспоминаниях).

Реалии комментируются минимально, в той мере, в какой это необходимо для обсуждения языка, но они по возможности представлены в иллюстрациях.

⁷ В объеме интересующей нас лексики дефиниции 17-томного Словаря современного русского языка (БАС) перешли в МАС; новое (продолжающееся) издание БАС в дефинициях значений не вводит принципиальных изменений по сравнению с первым изданием.



Далеко не каждый из нас привычен читать по-русски «со словарем», хотя необходимость в этом бывает, особенно когда перед нами текст другой эпохи. Мне близка позиция Е. В. Падучевой:

Повествовательный текст пишется на том же языке, на котором происходит ежедневное общение. В то же время в обычном разговоре язык функционирует не совсем так, как в повествовательном тексте, а в повествовательном тексте — не совсем так, как, например, в лирическом стихотворении.
<...>

Мы исходим из следующих двух взаимодополняющих предпосылок.

1) Описание специфических характеристик языка художественной литературы, в том числе особенностей семантической интерпретации его слов и конструкций, входит в компетенцию лингвистики.

2) Теория литературы и литературная критика не могут обходиться без лингвистического анализа текста — литературоведческий анализ не полон, если ему не предшествует более «примитивный» <...> лингвистический. Толкуя текст, следует прежде всего найти в нем те смыслы, которые в нем заложены в силу того только, что он написан на данном языке. Лишь после этого и на основе этого можно «вчитывать» в него те смыслы, которые порождаются многочисленными контекстами — социальными, историческими, литературными и проч. (Падучева 1996: 198).

Я старалась не переступать границ лингвистического комментирования (и тем самым границ моей профессиональной компетенции), предоставляя читателю самому соотносить наши пояснения с тем громадным фондом наблюдений, который накоплен в исследовательской литературе о творчестве Мандельштама. Хотелось бы надеяться, что опыт лингвистического комментария себя оправдывает — и как экскурс в язык эпохи, и как подспорье в интерпретации мандельштамовского текста. Адресовать этот комментарий можно и каждому заинтересованному читателю Мандельштама,

и переводчику его на другой язык, и историку литературы, и лингвисту. В статье «О природе слова», за год до «Холодного лета», Мандельштам написал:

Отшумит век, уснет культура, переродится народ, отдав свои лучшие силы новому общественному классу, и весь этот поток увлечет за собой хрупкую ладью человеческого слова в открытом море грядущего, где нет сочувственного понимания, где свежий ветер вражды и пристрастия современников заменяется унылым комментарием.

Этому сетованию на глухоту потомков хочется противопоставить по крайней мере усилие к «сочувственному пониманию».